

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2018 года в поисках материалов о Карлаге я зашел в антикварную лавку, которая находится в торгово-развлекательном центре «City Mall» в Караганде. Хозяин и хозяйка этого центра, зная о моей работе над проектом «Карлаг: память во имя будущего», загадочно улыбаясь, попросили у меня телефон. Я подумал, что это неспроста, меня ждет какой-то сюрприз. И действительно, в тот же день мне позвонил собиратель старины Т., пожелавший остаться инкогнито, и вскоре принес мне целую кипу тетрадей и зарисовок...

Это оказался архив Льва Премирова. К коллекционеру он попал лет 10-12 назад, его продала женщина, жившая по соседству. Я не буду долго писать, но в результате многочасовых переговоров и убеждений в начале января 2019 года весь этот материал оказался у меня.

Когда-то Лев Премиров написал:

У меня есть старый чемодан,

Он полон несметных сокровищ.

И я богач:

Вот невыплаканные слезы,

Годами таились они на дне

И стали тяжелее свинца.

Вот ненависть, она застыла

Слутками крови и пламени...

Содержимое этого старого чемодана теперь попало ко мне, и я хочу поделиться этими бесценными материалами с вами, дорогие читатели.

Необходимость изучения истории своего народа не нуждается в обосновании. Именно поэтому наша команда ученых уже много лет работает над проектом «Карлаг: память во имя будущего». Изучение советского тоталитаризма заключается в глубоком и последовательном научном исследовании огромной «империи» ГУЛАГа, частью которой был и Карлаг. До сих пор не имеется точных сведений о количестве и месторасположении лагерей, о численности умерших и невинно отбывавших сроки.

Существует немало причин, препятствующих глубокому научному исследованию, в числе которых невозможность доступа ко многим фондам

государственных и ведомственных архивов. Хранение большей части документального массива в государственных архивах Российской Федерации, разрыв связей между бывшими республиками СССР, экономические трудности, препятствие некоторых сил, консервативно настроенных групп - все это значительно тормозит изучение истории Карлага. Невозможно осветить тему в полном объеме, но, несмотря на это, проведение разностороннего научного исследования этого вопроса является нашим долгом перед подрастающим поколением.

Мы стараемся публиковать собранные материалы по истории Карлага, архивные сведения и биографии, оказывающиеся в наших руках. Наша главная цель – не дать оценку происходившим на территории нашей страны событиям, а сохранить документальные сведения о тех временах для будущих поколений.

Немаловажно для нас показать то непростое время через призму человеческой личности. Зачастую мемуары, воспоминания, письма, рисунки, стихи бывших заключенных Карлага несут в себе не только боль и ужасы лагерей, но и показывают огромную силу духа людей, которых не смогла сломать тоталитарная система. Именно поэтому материалы, вошедшие в эту книгу, – бесценны. Личность художника Льва Премирова, его произведения, картины и мысли являются ярким примером того, что даже за колючей проволокой человек может оставаться человеком, находя силы для творчества.

Государство в государстве

Во времена сталинских репрессий не было ни одной республики СССР, в судьбу которой не вмешался бы ГУЛАГ. Целые нации оказались невинными жертвами этих суровых времен. Беда коснулась и Казахстана: многие представители казахской интеллигенции трагически погибли в результате кровавого тоталитаризма. Бдительные сотрудники НКВД за малейшую политическую ошибку отправляли людей в тюрьмы. Целые семьи прошли по этому страшному пути. Жены и дети таких выдающихся личностей, как Т. Рыскулов, С. Сейфуллин, М. Дулатов, С. Асфандияров, С. Кожанов, Б. Майлин, И. Жансугуров, А. Ермаков, Т. Жургунов в одночасье стали «врагами народа» и томились в тюрьмах.

Но это была не единственная жертва, которую принесла системе казахстанская земля. 19 декабря 1931 года на базе совхоза «Гигант» ОГПУ-КазИТЛАГа была создана одна из крупнейших частей ГУЛАГа - Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг). Центр Карлага находился в п. Долинка Кара-

гандинской области, в 45 километрах от Караганды. Здание Управления Карлага было построено самими же заключенными, а всего территории лагеря отведено 120000 га пахотно-пригодных, 41000 га сенокосных площадей. В 1939 году среди 42 лагерей НКВД Карлаг занимал девятое место по численности заключенных - 35072 человека, или 3% всех советских заключенных. Карлаг был своеобразным государством в государстве и формировался как самостоятельное учреждение со своими «филиалами». Здесь отбывали сроки заключенные, обвиненные по 58-й статье за контрреволюционную или антисоветскую агитацию как «враги народа», «члены семьи изменников Родины» (ЧСИР), социально опасные элементы и т.д. Обвиненные приговаривались решением ОСО, «двойки», «тройки» при НКВД к 8, 10, 25 годам лагерного заключения.

В истории Центрального Казахстана Карлаг занимает особое место. Одной из причин создания лагеря было образование базы для стремительного развития угольно-металлургической промышленности: Карагандинского угольного бассейна, Жезказганского и Балхашского медеплавильных комбинатов. Для их строительства и развития была необходима дешевая рабочая сила. В 30-е годы крупные лагеря Карлага, такие как Степлаг, Песчанлаг, АЛЖИР внесли значительную лепту в развитие экономики региона.

В 1931 году многочисленные представители разных национальностей, высланных в Казахстан, были переданы в ведение ГУЛАГа. Спецпереселенцы частично использовались в тяжелой работе на крупных промышленных предприятиях, где основной рабочей силой были заключенные. Большая часть из них была расселена в спецпоселках и использовалась в мастерских, контрагентских работах и в сельском хозяйстве. В связи с этим в Карлаге места заключения разделились на две независимые подсистемы: лагеря и колонии.

Создание этого «государства в государстве» трагически повлияло на жизнь простых жителей. До появления лагерей на территории Центрального Казахстана проживали около 4000 казахских и 1200 немецких, русских, украинских семей. В 1930-1931 годах начался процесс принудительного выселения местных жителей. Немцы, русские, украинцы были высланы в Тельманский, Осакаровский и Нуринский район Карагандинской области. Казахи также были вынуждены покинуть родные земли. Их место заняли многочисленные лагерные объекты: железные дороги, бараки, скотные дворы, казармы для сотрудников военизированной охраны, дома для начальников гарнизона. Создание Карлага привело к разрушению традиционных форм хозяйствования, уничтожению культурных и национальных обычаев,

нарушению экологического баланса, демографическому спаду, голоду и множеству других трагедий.

В 1937-1938 годах репрессии достигли своего пика. Число расстрелянных увеличилось с 1118 в 1936 году до 353074 в 1937 году. К началу войны в лагерях ГУЛАГа находилось около 2 350 000 человек. В эти годы только по Карагандинской области репрессировано 6228 человек, из них были расстреляны 1495 человек, по Казахстану – 103 тысячи, расстреляны 25 тысяч человек.

Через Карлаг прошли разные категории людей. В самом трудном положении оказывались женщины и дети. Многие малыши, оказавшиеся в лагере со своими матерями, умерли, не выдержав условий и голода. Обо всех этих невинных безмолвно свидетельствует «Мамочкино кладбище», расположенное на окраине Долинки.

Творчество во спасение

Заключенными Карлага были не только простые рабочие и крестьяне, но и представители интеллигенции - деятели науки и культуры, военная элита, партийные руководители. После освобождения многие специалисты остались на казахстанской земле, стали заниматься научно-исследовательской работой, преподавать в учебных заведениях. Много было среди заключенных и людей искусства: художники, поэты, артисты, писатели, скульпторы, для творчества которых их заключение стало не только непрекращающимся страданием, но и мучительным источником вдохновения.

Невольно вспоминается разговор между Е.С. Гинзбург и К.А. Икрамовым в книге «Театр ГУЛАГа»:

«Е. С. Гинзбург:

- Ну, знаете! Как Вы можете, Камил? Когда у нас в лагере устраивали что-то, то одна заключенная, княгиня Урусова, сказала нашим женщинам: «Как вы можете петь, когда евреи находились в Вавилонском пленении?!», - то они сказали, что работать будем, а петь никогда.

К. А. Икрамов:

- Евгения Семеновна, миленькая, почему вы задним числом об этом судите? Мы не для них это делали, мы не воспринимали это, как будто развлекали их. Мы это делали в первую очередь для себя. Это было величайшее наше спасение. И спасибо этим людям, которые этим занимались».

В Карлаге были заключены такие мастера живописи, как И.А. Борхман, А.Ф.

Васильева, М.В. Мыслина, Л.И. Покровская, Ю. Соостер, В.А. Эйферт, Г.Е. Фогелер и другие. Лагерное творчество было представлено в разных жанрах: графика, живопись, скульптура, рукоделие и т.д.

Тематика творчества была многообразна, но в большинстве работ, конечно же, доминировали образы серой лагерной жизни. В них чувствуется боль и страдание, одиночество, страх, ужас, безысходность заключенных. Заключенные художники по заказу начальства делали копии мировых шедевров, мастера шили одежду, изготавливали разные бытовые вещи, вязали, вышивали, готовили костюмы для актеров лагерного театра.

Безусловно, лагерное творчество нуждается в углубленном научном исследовании. Для заключенных, изнуренных и растерзанных физически и духовно, творчество было единственным способом самовыражения, сохранения себя как личности, единственным орудием борьбы с несправедливостью. Обращение к искусству стало для них возможностью выражения собственной души, тоски по родным и своей духовной сути. Лагерное творчество также было своего рода протестом против антигуманных деяний тоталитарной системы, направленных на истребление человечества. Люди искусства, прошедшие через сталинские лагеря, доказали всему миру, что система, пропитанная кровью, как бы ни ограничивала свободу человека, не может стать преградой истинному таланту.

Исследование творческого наследия

С первых дней работы над проектом «Карлаг: память во имя будущего» мы занимались исследованием и поисками творческого наследия художников Карлага. Этому способствовал большой эмпирический материал, который хранился в Международном историко-просветительском, правозащитном и благотворительном обществе «Мемориал» в Москве.

Однажды руководитель этого учреждения, ныне покойный А. Б. Рогинский, рассказал мне о том, что в их обществе есть богатый материал о художниках. Ознакомившись с этими документами, я предложил издать их отдельной книгой, и он охотно согласился. Была проведена большая работа, и в 2005 году вышел в свет наш совместный проект - альбом «Творчество в неволе». Эта книга посвящена художникам - жертвам политических репрессий, которые волею жестокой судьбы оказались в карлаговских застенках.

Книга поделена на четыре раздела. В первом собраны работы, выполненные заключенными Карагандинского исправительно-трудового лагеря. Здесь представлены репродукции картин и набросков В. Эйферта, Г. Фогелера, А.

Васильевой, И. Борхман, Г. Цвирко-Лещинской, художников-любителей С. Лапина, Е. Сагаловской, П. Холщевникова и др. Сюда же вошли эскизы декораций для лагерного театра, орнаментов для стенных росписей и ковров, страницы рисунков рукописной детской книжки «Теремок». Многие работы были выполнены тайком и таким же образом вывезены за пределы лагерей, чтобы впоследствии стать достоянием частных коллекций и музеев.

В этой части издания все дышит той страшной эпохой - и названия набросков: «Портрет урки», «Заклученный в ушанке», «Солнечный день в лагере», и, конечно, краткие биографии художников. Вот, например, строки, посвященные Ирине Борхман: «Во время заключения работала на швейной фабрике, в садоводстве, поваром на овцеферме, истопником. Заболела пеллагрой, избежала смерти благодаря переводу на сельхозработы, но с 1944 г. стала слепнуть, лечилась, работала в конторе, в пожарной части. С 1948 г. стала оформлять стенгазеты, клубные сцены, рисовала плакаты, расписывала пожарную часть, кабинет начальника стройчасти. Один из лагерных рисунков из-за отсутствия карандашей и красок выполнила свиной кровью».

Во втором разделе читатель найдет сведения о музеях, созданных на территории бывших лагерей. Это мемориальный комплекс «АЛЖИР» и Музей памяти жертв политических репрессий п. Долинка, фотографии артефактов, выставленных в музеях. Третья часть книги состоит из архивных документов, а последний раздел альбома посвящен памятникам Долинки и Спасска. Также в книгу вошли уникальные фотографии лагерного быта, чертежи хозяйственных и жилых объектов лагерных отделений, картограмма и схема Карагандинского лагеря.

Вскоре активный участник нашего проекта, известный краевед, ученый Ю.Г. Попов предложил опубликовать его работу «Караганда в судьбах художников: В.А. Эйферта, Р.А. Граббе, Г.Э. Фогелера». В этой книге, вышедшей в 2012 году, рассказывается о последнем периоде жизни этих трех выдающихся художников, в 1940-1950 годах оказавшихся в Караганде и нашедших здесь последнее пристанище. Двое из них стояли у истоков изобразительного искусства региона и оказали на его развитие большое влияние. На основе архивных документов, писем, воспоминаний друзей и коллег рассказывается о силе характера, оптимизме и вере во всепобеждающую силу искусства героев книги. Их жизнь и творчество описаны на фоне политической и культурной жизни Советского Союза и Караганды.

Выпустив эти книги, мы не остановились и продолжили свою работу.

Через некоторое время возникла идея издать продолжение, так как в первую книгу вошли не все художники, кроме того, были собраны дополнительные материалы и открыты новые факты. И в 2015 году вышла книга-альбом «Черным карандашом Карлага». В книге рассказывается об уникальных художниках, которые отбывали наказание в стенах Карлага, читатель найдет в ней самые запоминающиеся работы заключенных, наполненные болью, страданием и одиночеством. И тем не менее, даже жизнь в застенках раскрашена яркими красками. Помимо работ известных художников в альбоме опубликованы и рисунки неизвестных авторов. Здесь можно увидеть также работы Л.М. Премирова.

В 2018 году, в рамках проекта, были выпущены еще две книги, посвященные людям искусства, отбывавшим сроки в Карлаге. В сборник «Художник Старой Караганды Владимир Эйферт» включены статьи С.А. Лебедева, Н.И. Ивановой, А.С. Омаровой, Ю.Г. Попова, Ю.Н. Бакаева, К.Д. Тикиниди, Л.П. Андреюк, О.Л. Есинской. Знаменитый советский живописец и искусствовед Владимир Александрович Эйферт был выслан в Карагандинскую область в начале 40-х годов прошлого столетия. Работал в колхозе имени Пушкина, затем художником-оформителем в клубе города Караганды. Директор музея изобразительного искусства в Москве, художник с мировым именем, в ссылке выполнял рекламные и оформительские работы, организовал изостудию, из стен которой вышли многие карагандинские мастера кисти. Смерть постигла художника 4 июня 1960 года, его место захоронения было забыто. И только в 2018 году энтузиасты нашли могилу Эйферта и облагородили ее.

Книга Е.Г. Малиновской «Репрессированная архитектура» была задумана и подготовлена к печати в далеком 1992 году, по следам прошедшей выставки, документы которой впервые стали достоянием общественности и профессиональной сферы. Выставка по теме репрессий в системе архитектуры вызвала большой интерес общественности. Однако в условиях политической и экономической ситуации тех лет издание книги было отложено на долгие годы. Возможность выпустить ее у автора появилась только в 2018 году благодаря проекту «Карлаг: память во имя будущего». В основу монографии положены каталог, фото- и текстовые документы выставки, а также публикации автора в периодической печати, профессиональной прессе Казахстана, России, Польши. Особенность представленного материала в том, что он базируется не на фондах госархивов, а на воспоминаниях, переписке с жертвами политического террора, их родными, очевидцами событий. В книге сохраняется документальная

стилистика и очевидная исповедальная искренность собранных фактов, даже некоторая безыскусность их интонаций. Именно это позволяет читателю осознать трагический перелом судеб героев повествования.

И, наконец, еще одной книгой, посвященной художнику, отбывавшему срок в Карлаге, стала эта книга.

В поисках Премирова

Сведения, воспоминания, документы, связанные с художником Львом Премировым, искались долго. Это чем-то напоминало охоту за спрятанным сокровищем, только каждая найденная строчка-упоминание радовала так, как не обрадовала бы самая большая драгоценность. Я бережно, по крупницам собрал здесь все, что смог найти за это время. Именно поэтому эта книга является наиболее полным собранием материалов Льва Премирова и раскрывает его биографию для читателя.

1.

В Интернете краткие сведения о Льве Премирове можно найти на сайте Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в Базе данных жертв политического террора. Вот эти сведения:

Премиров Лев Михайлович

1912 г.р., м.р.: Саратов

студент Московского художественного техникума

прож.: г. Ульяновск

Обвинение: по ст.ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР

Приговор: Военный трибунал ПРИВО, 23.04.1935 - 6 лет

Реабилитация: 04.1964

Источник: Книга памяти Ульяновской обл., т.1

Премиров Лев Михайлович

1912 г.р., м.р.: Московская обл., г. Юрьев, русский

прож.: г. Москва

арестован 16.12.1934

Обвинение: ст.58-2, 58-4, 58-11 УК РСФСР

Приговор: военным трибуналом МВО, 23.04.1935 - 6 лет лишения свободы. Прибыл в Ухтижемлаг 12.05.1937 из Сиблага. Освобожден 16.12.1940.

Реабилитация: 00.04.1964

Источник: Книга памяти Республики Коми, т.9, ч.3

Премиров Михаил Львович

1878 г.р., м.р.: Саратовская обл.

пенсионер

прож.: г. Ульяновск

Обвинение: по ст.ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР

Приговор: Военный трибунал ПРИВО, 23.04.1935 - 6 лет

Реабилитация: 04.1964

Источник: Книга памяти Ульяновской обл., т.1

* отец Премирова Л.М.

2.

На сайте «Сахаровского центра» в Базе данных «Репрессированные художники, искусствоведы» размещены следующие сведения:

Премиров Лев Михайлович

1912, Саратов – 1978, Караганда

Живописец, график.

Вскоре, после рождения, сына семья переехала в Ульяновск. Оттуда юноша едет в Москву, поступает в Московский художественный институт имени В.И. Сурикова (МХИ), закончить который ему не дали. В 1937 был арестован. Осужден и отправлен в Ухтижемлаг. Был на общих работах, рисовал, писал стихи, очевидно, работал в культурно-воспитательной части (КВЧ). Летом 1943 еще находился в Ухте. В 1949 арестован повторно и выслан в Балхашское отделение Карлага. В ссылке находился до 1956, после чего жил в Караганде. В этот период, а возможно, еще в ссылке, иллюстрировал Шекспира, рисовал афиши для кинотеатра. В лагере и ссылке встречался с Л.Е. Кропивницким, Ф.М. Наричей и Ю.И. Чирковым. Сведений о реабилитации нет.

*Примечание автора: на самом деле, он учился в Московском художественно-литографическом техникуме. Первый раз был арестован в 1934 году, повторно — в 1941 году.

3.

Отец Льва Премирова, русский писатель Михаил Львович Премиров родился в селе Ахматово Ардатовского уезда Симбирской губернии в роду священнослужителей. Дед был псаломщиком, отец служил священником, мать была дочерью священника.

Когда Мише было четыре года, отец его скончался от нервно-психического

заболевания в Сызранском мужском монастыре, оставив жену одну с пятью детьми. Семейство некоторое время бедствовало, перебираясь из села в село. Но, к счастью, дети священника имели право бесплатно учиться в духовных заведениях, и Михаил поступил в Симбирское епархиальное училище, по окончании которого пошел в Симбирскую духовную семинарию. Прослужив немного псаломщиком в селе Елаур Сенгилеевского уезда, он решил получить высшее естественно-научное образование и поступил в Юрьевский (Тарту) университет на медицинский факультет. Доучиться не удалось - в 1904 году из-за участия в студенческих волнениях он покинул вуз, а высшее образование завершил только в 1914 году в Казанском университете.

В 1905 году, поселившись у сестры в Саратове, он начал публиковаться в местных газетах. Писательский опыт у Премирова уже был. Первая его публикация состоялась в 1899 году - в «Симбирских епархиальных ведомостях» вышел рассказ «Из детства». В «Саратовском дневнике» Премиров публиковал фельетоны, очерки на актуальные темы. В 1909 году в Санкт-Петербурге вышла его первая книга рассказов «Немые дали». Второй сборник «Кабак» в 1917 году был напечатан в Москве.

До 1925 года он жил в Орске, а в 1925 году приехал в Ульяновск, где недолго учительствовал в школе и ушел с работы из-за нездоровья. Все эти годы Михаил Львович пытался публиковать свои рассказы, но советские издательства его произведения не принимали. В 1935 году он и его сын Лев были приговорены военным трибуналом Приволжского округа к шести годам лишения свободы по статье «Государственные преступления и контрреволюционная деятельность». Михаил Львович растворился в ГУЛАГе, а сын его уцелел. Только в 1965 году, через 30 лет, после вынесения приговора, оба Премировых были реабилитированы. Но, к сожалению, о судьбе Михаила Львовича так ничего и не известно.

4.

Карагандинский областной музей изобразительного искусства всегда принимает активное участие в нашей работе, очень много информации для книг, посвященных художникам Карлага, собрано именно в фондах музея

Во время очередной нашей встречи сотрудники музея рассказали о рукописном альбоме Льва Премирова. В нем сохранились записи художника, его мысли об искусстве, переписка, рисунки, графические листы, воспоминания о лагерной жизни. Эти эпистолярные и художественные документы наполнены

болью и переживанием лет, проведенных в лагерях ГУЛАГа.

Научный сотрудник музея Айгуль Саулетовна Омарова, занимающаяся исследованием творчества художников Карлага, писала в одной из своих статей, что откровения художника сконцентрированы в альбоме «Я вспоминаю», листая который погружаешься в атмосферу лагерей, этапов, пересылок, узнаешь правду о тыловом героизме военных сороковых, знакомишься с теми немногими, с кем судьба сталкивала Льва Премирова и чьи жизни были перечеркнуты сталинским режимом. Этот альбом не просто воспоминание о лагерной жизни никому неизвестного художника, это литературное и художественное наследие, представляющее огромную ценность, ставящее имя Льва Михайловича Премирова в один ряд с людьми, писавшими о жестоком засилье тоталитаризма, ломающем судьбы людей: русским писателем А. Солженицыным, казахстанцем И. Щеголихиным. Альбом «Я вспоминаю», написанный от руки, хранит в себе энергетику самого автора, силу его ума, его мысли о морали и нравственности будущих поколений. Рукописный альбом стал произведением, которое дает возможность восстановить звено истории через личные переживания автора, воплощенные в главных лицах его воспоминаний.

Надеюсь, в скором времени мы совместно с музеем издадим и данный рукописный альбом.

5.

Однажды к нам пришла жительница Караганды Татьяна Евгеньевна Горошкина. Она рассказала о своем отце Евгении Владимировиче Красовиче, который работал в то время главным инженером, был очень эрудированным и хлебосольным человеком. Часто у них дома бывали гости, и среди них – художник Лев Премиров. С хозяином дома его объединяла любовь к русской литературе, они долго обсуждали прочитанные книги, могли беседовать друг с другом часами. В одну из встреч Премиров подарил отцу свою работу «Воспоминания о севере», написанную в 1962 году. Татьяна Евгеньевна передала эту картину нам, и сейчас она хранится в Академии «Болашак».

6.

О встрече с Премировым рассказывает в своих мемуарах Юрий Герт. Вот что он пишет в книге «Семейный архив»: «По воскресеньям торжественным,

неспешным шагом (он всегда так шел по городу - торжественно, мерно ступая, будто не участвуя в уличной суете) к нашему дому подходил Лев Михайлович Премиров. Его грозное, черное, изрезанное морщинами лицо библейского пророка бывало по-пасхальному светлым, смягченным, когда в огромной его ладони лежала тоненькая, почти прозрачная ручка дочери, семенившей рядом. Ее звали Никой, у нее было нежное бледное личико, золотистые волосы и дерзкие, непокорные синие глаза. Она привычно, без особого аппетита, но и без отвращения грызла сырую картошку.

- Ничего нет лучше от цинги, чем сырая картошка, - говорил Премиров, посмеиваясь и посверкивая глубоко запавшими глазами из-под мохнатых, клокастых бровей. - Вот я и учу свою Никуху, мало ли что в жизни случится... На Севере яблоки не растут, одна морошка да картошка!

Он два срока отсидел в Воркуте, в общей сложности - семнадцать лет. Первый срок - за то, что, будучи студентом художественного училища, скovyрнул вдвоем с товарищем в припадке хмельного озорства с высокого берега Волги газетный киоск: в нем, запертом на ночь, лежала пачка не распроданных за день газет с докладом Сталина. Второй срок вплотную примыкал к первому: сидевший в лагере анархист донес начальству об одном их весьма откровенном разговоре...

Премиров жил в бараке рядом с нашей молодежной редакцией, много и шумно пил, а работал художником-рекламистом в кинотеатре. Он приносил мне свои романы и повести, написанные мелким четким почерком в бухгалтерских книгах на синей бумаге, разграфленной под дебет-кредит. Одна повесть, с которой началось наше знакомство, рассказывала о лагерной любви, чистой, бурной и горькой. Я прочел ее про себя, потом вслух - жене. Все в ней было страшно и достоверно, может быть, еще и потому достоверно, что перед глазами у меня стояла наколка на мускулистой руке Премирова, он показал ее мне, задрав рукав рубашки выше локтя: буквы и несколько цифр.

- Здесь ее адрес, видите? - сказал Премиров. - «Ч» - это улица Чкалова, возле Курского вокзала, а это - номер дома, квартиры... Может, зайдете, когда в Москве будете?..

Я бывал в Москве, но, хотя и переписал в блокнот адрес, ни разу по нему не зашел. Не смог...

Повести его не печатали, даже те, где он обходился без колючей проволоки, говорили, что написано непрофессионально. И картины, которые писал он в мастерской кинотеатра, а потом складывал дома под железную койку, тоже не

принимались на выставки членов худфонда - по той же причине. Один только раз - единственный! - ему повезло. Во Дворце горняков была устроена выставка художников города. Не знаю, каким образом Премирову довелось уговорить организаторов допустить его картины к участию в ней. То ли семнадцать лет лагерной жизни сыграли свою роль, то ли отсутствие денежной конкуренции, но скорее всего - ощущение примитивщины, любительства, свойственного премировским картинам, ведь не числился он в Союзе художников, не являлся членом худфонда, малевал киноафиши - всего лишь.

И вот открылась выставка. Она заняла оба этажа. Картины висели в просторных залах, в театральном фойе, в нижнем вестибюле. Входя во дворец, находившийся в центре города, вы сразу погружались в иную, не свойственную Караганде атмосферу - сияющие пейзажи, детские веселые личики, березки в парке (кстати, посаженном и выхоженном заключенными), улыбчивые шахтеры с винченными в шлемы лампочками, озарявшими, так сказать, путь к завтрашнему, в крайнем случае - послезавтрашнему коммунизму...

Премиров ограничился двумя картинами. На одной была лесная поляна, посреди - озеро, круглое, недвижимое, как бы наполненное не водой, а ртутью. И вокруг - неподвижные, застывшие, темные ели, смыкающиеся ветвями. И туман, повисший над озером, над поляной, над елями, над густой травой, окольцовывающей озеро, наступающей на него, грозящей превратить его в болото... И вторая картина, большая, не характерных для Премирова размеров, написанная, как и первая, маслом: проложенная по тонущим в грязи бревешкам дорога, по бокам - почерневшие, обугленные березы, их ветки, остатки обломанных и еще уцелевших ветвей вскинута к пустому, без единого облачка небу... А дорога впереди увязает в топи, уходит в стоячую мертвую воду, на дно...

Я никогда - ни раньше, ни потом - не видывал такой толпы, которая в глубокой, глубочайшей тишине стояла перед картиной... Точнее - перед картинами Премирова, расположенными рядом, одна из них называлась «Озеро», другая - «Дорога». Рыхлая, рваная цепочка тянулась возле прочих картин, а здесь толпа все время нарастала, набухала, и я замечал у многих женщин порозовевшие, покрасневшие глаза, прижатые к щекам платочки, мужчины же вглядывались в полотна, заключенные в простые крашенные рамы, кадыки у них прыгали, сглатывая слюну, глаза щурились, будто всматривались в какую-то позабытую и вдруг ожившую даль...

Пейзаж?.. Не только пейзаж... Это была их жизнь, изображенная на полотне

кистью и краской... И когда, уже после того, как выставка закончилась, я листал «Книгу отзывов», там были записи только о картинах Премирова — и ни об одной больше...

Естественно, к участию в других выставках, которые порой в Караганде случались, его уже не допускали.

...Он говорил:

- Все люди делятся на тех, у кого позвоночник вертикальный и у кого он горизонтальный... - И посмеивался, потирая подбородок.

У него была прямая спина».

7.

О Льве Премирове спрашивал Виктор Снитковский у поэта Наума Коржавина в Бостоне. Коржавин был дружен с Юрием Гертом и его женой Анной с карагандинских времен. Юрий Герт дважды из Кливленда приезжал в Бостон. Один раз Снитковский привез к ним Наума Коржавина с женой. На вопрос о Премирове Коржавин ответил, что он знал художника, но не был с ним близок. Из-за очень плохого зрения поэт не мог составить представление о живописи Премирова.

8.

В сентябре 2012 года в российском издании «Новая газета» была опубликована статья Елены Рачевой и Анны Артемовой «Шкатулка, переброшенная через забор», где рассказывается история, связанная с художником Львом Премировым.

Студентка первого курса Московского художественного института Ирина Калина в 1950 году попала в Степлаг, все время заключения провела на общих работах «в основном на строительстве города Балхаш». Она и рассказала о шкатулке авторам этой статьи.

«Эту шкатулку сделал лагерный художник Лева Премиров. А я лагерным художником не стала, потому что отказалась заниматься доношением».

Меня арестовали на первом курсе художественного института и в лагере привели к Лева, чтобы он проверил, правда ли я умею рисовать. Так мы и познакомились, а больше не виделись ни разу. Но наши зоны были рядом, и Лева через забор передавал мне записочки, подарки. И эту шкатулку тоже. Красивая, правда? Внутри написал монограмму: «Л» - Лева и «И» - Ирина. И нарисовал золотой локон, как будто прядь моих волос. Лева очень долго сидел,

лет 15. Не знаю, за что (в 1934 году художника Льва Премирова осудили на шесть лет за контрреволюционную деятельность, а перед окончанием срока — еще на десять за «клевету на советское правительство» - Е.Р.)

У него не было зубов — все выбиты. Большие голубые глаза... И он в меня влюбился, беденький. Когда освободился, приехал к маме делать мне предложение. Сказал: «Ваша дочь пила воду без сахара. А я бы ей все дал». Но мама отказала. И я бы отказала. И я его совсем не любила, хотя наша переписка очень меня поддерживала. Он писал о музыке, литературе, очень образованный был. Перебрасывал письма, представьте себе, метра через три проволоки.

Когда нас ловили, меня сажали в карцер. Начальник режима Лебедев хорошо ко мне относился, но говорил: «Если вы будете переписываться — я вас буду сажать».

- А я буду, - говорю. — Это моя духовная жизнь, я нуждаюсь в этом. Вы понимаете, что такое духовное жизнь?

- Но этот ваш Лева — он же старик!.. — говорит».

9.

В своей книге «Скрещение судеб. Художники ГУЛАГа Лев Премиров и Ирина Калина» Виктор Снитковский приводит часть письма Льва Премирова Ирине Калине:

«Каждому человеку нужен не только успех в его делах, но и личное счастье. Без них он вянет, и никакая удача не заменит ему этого простого теплого счастья. Я никогда его не имел. Раньше я не нуждался в нем, и только теперь, когда встретил... (текст на изломе листка не читаем) без него мне будет слишком тяжело. Вы теперь знаете мою жизнь, и Вам теперь понятнее будет эта жажда участия, сочувствия и любви. Я имею первое и второе, может быть, я добыю и третьего».

Текст написан карандашом на сильно поврежденном, пожелтевшем от времени листке бумаги размером 11*10 см, размер текста 7.5*8.7 см, даты нет. Почерк красивый, мелкий, беглый. Листик имеет 6 горизонтальных линий сгиба и одну вертикальную. Видимо, был тайно передан через колючки забора при совместной работе.

10.

В Российской Академии наук сохранено дело № 157 - рукописный текст, сделанный в 1930 году Премировым: «Три периода в эволюции звезды».

Архив А.Н. СССР фонд № 543, Опись № 5 № 157 количество 4, Лев Премиров пишет Морозову Николаю Александровичу:

«Многоуважаемый профессор!

Пожалуйста, посмотрите мою записку «О трех периодах в эволюции звезды». К сожалению, я не могу послать письмо это в живую связь ж. «Вестник знания», так не состою его подписчиком. В своем письме я пытаюсь привести в известную закономерную связь процессы, происходящие на солнце, с видом земной и лунной поверхности, считая, что это только три эпохи, через которые проходит всякая звезда. Я пытаюсь найти объяснения 11-летнему периоду солнечной деятельности, передвижению поясов солнечных пятен, строению их и ... (хотя кажется многое из того, что я пишу о них уже открыто, так, я встречал в науке и технике замечания о том, что солнечные пятна ... Одно и то же и что солнечные пятна есть вихревые кольца. Мой взгляд плавающих материй похож на теорию п. Вегенера, но только отчасти. Я рассматриваю материал, верхний застывший слой медленно движущихся огромных потоков жидкой ... Причины передвижения материков значат у меня совсем иной, чем у п. Вегенера. Далее я стараюсь логически объяснить последнюю форму поверхности застывшей звезды - лунную. Пожалуйста, многоуважаемый профессор, напишите мне Ваше мнение по следующему адресу: Ульяновск, Иорданский пер. № 7 Льву Премирову».

11.

Как видели Льва Премирова его собратья по цеху – художники? Существует портрет работы Гилярия Гилевского, хранящийся в Карагандинском областном музее изобразительного искусства, который, пожалуй, в какой-то мере раскрывает для нас личность Премирова. Ведь все портреты, написанные Гилевским, остро индивидуальны, в них путь к образу лежит не через внешнее сходство, а глубоко изнутри, через характер изображаемого человека.

Гилевский – член польской семьи, высланной в Казахстан. В конце 1940-х посещал студию В. Эйфорта. Вся жизнь и творчество Гилевского связаны с шахтерской Карагандой. Он создатель серии пейзажей «Старая Караганда», портретов тружеников шахтерской столицы, бывших заключенных и ссыльных. Здесь прошла его юность, был сделан выбор профессии, здесь он сформировался как творческая личность. Любимый жанр художника - портрет, причем портрет, направленный на пристальное исследование человека и его жизни во всей ее сложности. Портреты Гилевского сложны для восприятия,

он отходит от идеальных схем, создавая образ изображаемого человека в остром нравственно-психологическом аспекте.

12.

В 2018 году в журнале «Новая Юность» вышла повесть Льва Премирова «Записки о бывалом и небывалом». Опубликовал ее доктор наук Павел Чеботарев.

В моих архивах тоже есть эта повесть, которая публикуется здесь и между материалами имеются небольшие различия. Лев Премиров делал несколько копий и повторений своих произведений, поскольку неусыпно следящие за ним органы отбирали его записи.

Во время работы над книгой я несколько раз беседовал с Павлом Чеботаревым. В своем предисловии к повести Премирова в журнале «Юность» он пишет:

«В нашем семейном архиве хранятся два доселе не опубликованных сочинения Льва Михайловича Премирова (1912-1978): авторская рукопись повести «Записки о бывалом и небывалом» и «Современный роман», перепечатанный моей матерью на машинке.

В 1934 году Лев Премиров, студент-живописец, сын прозаика Михаила Львовича Премирова, был арестован по доносу сокурсника и в 1935-м осужден на шесть лет по политической 58-й статье. Затем - новый приговор и в общей сложности 17 лет пребывания в лагерях. После освобождения ему было позволено поселиться в Караганде. Туда же была сослана семья моей матери.

В период хрущевской оттепели мой дед с семьей вернулся в Москву, Лев Премиров в 1964 г. был реабилитирован. В первой половине 1970-х с Премировым переписывался мой отец. Именно тогда Лев Михайлович передал моим родителям с оказией рукописи повести и романа.

Из его дневника: «Всё, что здесь изображаю и описываю в меру своих слабых сил, святая правда. Это наш родной Освенцим, это наше inferно, наш ад наяву. Не сомневаюсь, что всё это может повториться, но если это будет, то будет еще ужаснее, еще бесстыднее и в более грандиозных масштабах. Ибо человек почти не изменился, и любое воспитание есть лишь тонкий наносный слой почвы над тысячелетними пластами эгоизма, равнодушия и холодной жестокости... И пусть рука моя помимо воли передаст ужас, передаст то невообразимое и неопишемое, что скрыто под словами «тюрьма» и «лагерь»».

...Сюжет повести изобилует неожиданными поворотами, ее социальная философия далеко не тривиальна, а в условности повествования есть что-то

воннегутовское. «Чудо? И да, и нет» - суть авторского взгляда на мир. В более легком жанре это был бы китч, но здесь всё слишком нешуточно и оплачено страданием.

«...Ищущий дух всегда находит то, что ему истинно нужно, но лишь тогда, когда созрел для этого» - вот единственно возможная, по Премирову, формула прогресса».

13.

Вместе с Л.Премировым в Карлаге отбывал срок и Сергей Михайлович Ивашев-Мусатов, ставший позже прототипом художника «шарашки» Кондрашева в романе Александра Солженицына «В круге первом». Он был осужден в 1947 году, целых семь лет провел в Карлаге. Некоторые искусствоведы утверждают, что его лагерные работы не сохранились, но писатель Юрий Грунин в своей книге «Спина земли» пишет: «Я храню сделанный им с меня карандашный набросок. Короткие легкие штрихи... Такого графического мастерства и индивидуальности стиля я еще не встречал». Рисунок был сделан 11 февраля 1951 года на первом лагпункте первого отделения Степлага.

Ивашев-Мусатов даже в условиях тлетворного влияния лагерей оставался человеком. Он и других интеллигентов поддерживал на высоком уровне, не давая им падать духом. Особенно любил художника Льва Михайловича Премирова, добавляя ему душевных сил в творчестве. Даже после освобождения из Карлага он продолжал дружить с Премировым, оставшимся в ссылке в Караганде, высылал ему из Москвы ободряющие письма.

А.И. Солженицын об Ивашеве-Мусатове написал, что тот не знал одного состояния – равнодушия. Это же можно сказать почти обо всех творческих людях Карлага, которые упорно и настойчиво в самых жестоких условиях лагерей несли большую культуру в степь, показывая местным жителям на высоком художественном уровне классические пьесы, знакомя их с опереттами и операми знаменитых композиторов, устраивая выставки картин. Безусловно, они оставили глубокий след в душах тех, кто соприкасался с их культурой, искусством и литературой.

Нурлан ДУЛАТБЕКОВ